

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	5
Глава 2.....	19
Глава 3.....	36
Глава 4	50
Глава 5.....	65
Глава 6.....	79
Глава 7.....	93
Глава 8.....	107
Глава 9.....	121
Глава 10	134
Глава 11	148
Глава 12	163
Глава 13	179
Глава 14.....	195
Глава 15	210
Глава 16	224
Глава 17	238
Глава 18	252
Глава 19	266
Глава 20	279
Глава 21	293
Глава 22	310
Глава 23	323
Глава 24.....	337

Глава 1

Кап, кап... В минуту — сорок капель. В час — две тысячи четыреста. В камере предварительного заключения протекал кран. Я сидел напротив и считал капли. Нет, ну а что мне еще делать? Загоняться? Обычное занятие арестанта. Сидеть и грызть себя поедом. Ах, где я ошибся? Ах, как ловко меня менты свинтили. На выбор — раскололи. Но это если ты совсем дурак и подписал чистуху. Только это не мой вариант. Хрен я ее подпишу. Это же вышка.

После задержания, когда меня привезли в МУР, на первом допросе кололи два капитана сразу. Отдел по расследованию особо тяжких преступлений. Одного капитана звали Яном Домбровским, и был он то ли прибалтом, то ли поляком из тех мест: светлые до прозрачности глаза, презрительная морда, соломенно-желтый блондин... А вот второй оказался нашим, исконно посконным — Иван Семенович Подуров. Нос картошкой, окает даже... И нет, среди них не было «хорошего полицейского», только плохие. Сразу прописали мне по почкам, потом отпинали

на полу. И ведь, твари, еще даже ни одного вопроса не задали. Просто взяли и отмудохали вместо «здрасьте».

— Давай, Хлыстов, рассказывай. — Подуров вытер пот со лба платком. — Нам меньше работы, да и тебе мучений. Где был в день убийства? Прямо с утра.

— Какого еще убийства? — выпучил я глаза. — Вы, товарищ капитан, меня перепутали с кем-то, избили... Я на вас жаловаться буду!

— Продолжаем, — вздохнул Подуров и сказал: — Ян, он не помнит, когда день убийства.

— Сейчас напомним, — многообещающе сказал второй.

И они напомнили. От всей души напомнили. Я лежал на полу, свернувшись калачиком, и пытался закрыть свою многострадальную голову от сыплющихся на нее ударов.

— Колись давай, сука! — услышал далекий голос.

— О чем колоться? — прохрипел я, переводя дух.

Это еще только первый акт пьесы, будут и другие. Надо быть готовым. А антрактов тут могут и не объявить. Вон какие быки, спортсмены... Здоровья хватит, чтобы всю ночь меня метель.

— Ты троицких завалил! Ты! Видели тебя! Пиши явку с повинной — получишь пятнашку! Будешь героя из себя строить — лоб зеленкой намажут. Вкурил?

Домбровский схватил меня за наручники, рывком вздернул на ноги и толкнул на скрипучий стул. Напротив за стол уселся Подуров и открыл папку.

— Ты о чем, начальник? — пожал я плечами. — Я же в Троицке и не был ни разу. Где это?

— Умничаем, да? — оскалился Домбровский. — Несмешной клоун к нам заехал? Читай, Иван...

— Тринадцатого января тысяча девятьсот девяносто второго года, — забубнил Подуров, — в НИИ строительных материалов приходили граждане Семенченко и Цветков. Это подтвердил заместитель директора НИИ по хозяйственной части...

Дальше я уже не слушал, просто отключил голову. Какой смысл слушать то, что я и так прекрасно знаю?

— Эй! — Опер помахал ладонью перед лицом. — Ты тут?

— Тут, — покорно ответил я.

— Тогда отвечай!

— Вопрос не расслышал, товарищ начальник, — усмехнулся я. — После нанесенных вами побоев ощущаю сильный шум в ушах. Подозреваю у себя сотрясение мозга. Как только выйду отсюда, сниму побои, лягу в больничку и оформлю тебя на срок за нанесение телесных повреждений средней тяжести.

— Не понял, значит, — расстроился опер и приложил мне по башке какой-то толстенной

книгой. — Нам вообще-то запрещено применять методы физического насилия. Говорят, нужно бить вас, сволочей, Уголовным кодексом.

— А ты что делаешь, гад? — прохрипел я. Башка гудела — просто сил нет.

— Бью тебя Уголовным кодексом с комментариями, — радостно оскалился мент. — Он потолще. Итак, граждане Семенченко и Цветков тебе знакомы?

— Не припоминаю таких фамилий, — ответил я совершенно честно.

— Ты с ними в НИИ разговаривал, — напомнил опер. — Здоровые быки в кожаных куртках.

— Не исключено, — наморщил я лоб. — А что, уже и поговорить нельзя? Я вообще-то очень общительный.

— Ты их убил вместе с дружками своими. — Домбровский выдохнул мне в лицо сигаретный дым. — Вас люди видели и описали подробно. А подельники твои уже в соседней камере сидят и строчат так, что не успеваем карандаши подносить.

— Не делал этого. Никаких троицких знать не знаю. Очную ставку давай, — опять пошел в отказ я.

Если он сказал правду, нам конец. Опытные опера расколют парней до жопы. Посадят по одному, поймают на противоречиях и заведут под корягу, измотав многочасовыми допросами. Пацаны, кроме Штыря, не чалились, они эту тему

не знают. Не дай бог врать начнут. Тогда еще хуже все станет.

— Будет тебе очная ставка.

Этот урод курил «Приму».

— Не дыши в лицо, — поморщился я. — СССР подписал конвенцию о неприменении химического оружия. Или хотя бы сигареты смени. Это же просто пипец какой-то.

— А я, в отличие от тебя, — с ненавистью ответил Домбровский, — честно живу, на одну зарплату. Поэтому таких тварей, как ты, душить буду, пока могу.

Ага, знакомо! Сколько калек осталось после таких допросов...

— Если есть что сказать, говори, — ответил ему я. — Если ты мотив сам себе придумал и теперь из меня хочешь чистуху выбить, то иди ты лесом, начальник. Сто пятую статью беру! Понял? Имею право не свидетельствовать против себя. И не потому, что виноват в чем-то, а просто в знак протеста против бесчеловечного обращения. Давай протокол, я там нужную запись сделаю.

— В камеру его! — рявкнул Домбровский в дверь. — Увести.

Подуров подошел ко мне и похлопал по щеке.

— Ты у меня к стенке встанешь, Хлыст. Повторная мокруха! Тебя ни один суд на зону не отправит.

— По беспределу идешь, начальник, — усмехнулся я. — На голый понт берешь. Скажи спа-

сибо, что я незлопамятный. Когда тебя голодная жена из дому погонит и ты уволишься, приходи к нам в «Геопром». Я тебя по благу в СБ устрою. Будешь шлагбаум поднимать.

Меня вели по коридору, а в больной голове билась всего лишь одна мысль: «Лена, солнце! Ну ты же умница! Не подведи!»

Несколькими часами ранее

Лена смотрела на жигуленок, который увез Сергея, и не знала, что ей теперь делать. В том мире, в котором она прожила всю свою жизнь, такого не могло произойти, потому что не могло произойти никогда. Знакомых ей юношей, случалось, поколачивали хулиганы, и они попадали в милицию как потерпевшие. Но ее Сережа — и потерпевший! Это же просто смешно! А потому Лена решительно развернулась и зашла в клуб.

— Кошелек забыла, — бросила она крепкому парню в кожаной куртке, что стоял в сторонке недалеко от входа. Сергей договаривался с ним, чтобы пройти.

— Да видел я, как твой «кошелек» приняли, — усмехнулся он. — Проходи. Братва еще там.

Лена прошла в зал, где веселье шло полным ходом. Девчонки напились и визжали у сцены, где диджей играл что-то ультрамодное, а она пошла прямо к столику, где сидели парни, поднявшие рюмки.

— Сережу арестовали, — сказала она, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Где? Когда? — спокойно спросил жутковатый парень, которого называли странным именем Пахом.

— Только что, прямо у входа, — ответила Лена и всхлипнула, не удержавшись.

— Звоним особисту. — Штырь нахмурился и погрузился в раздумья. — Серого вытаскивать надо. И на хатах появляться нельзя.

— У нас дача есть, — стеснительно сказала Лена, стирая платочком потекшую тушь. — Совсем недалеко. Вам лучше на работе не показываться пока.

— Она дело говорит, — кивнул Карась. — Если нас возьмут в оборот, только хуже будет. Поехали!

— А телки наши? — поднял брови Дима.

Она знала, что он кореец. Яркий парень с очень непривычной здесь внешностью. Секретарша в него влюбилась как кошка. Это Лена увидела совершенно отчетливо. Женщину в таких делах не обмануть.

— Дай им денег на такси и скажи, что у нас срочные переговоры с американскими партнерами, — отрывисто бросил Штырь. — Нет, скажи, что с корейскими. А то еще переводить кинутся. Ты по-корейски шарить, Димон?

— Ни в зуб ногой, — честно ответил тот.

— Да похер! Мы им об этом не скажем. — Штырь встал с дивана. — Стол закрываем и погнали на дачу. Там жратва хоть есть?

— Есть картошка, — стеснительно ответила Лена. — И закрутки в погребе. Только, мальчики, чур, не мусорить, иначе моя мама вас просто убьет.

— Ленок, — Гриша, огромный парень, получивший жуткий ожог в Афганистане, посмотрел на нее серьезным взглядом, — пусть это станет самой большой из наших проблем.

— Я пока Фельдмаршалу звякну, — Вовка встал из-за стола, — и Николаичу. Пусть поднимают тяжелую артиллерию. Особист хвалился, что у него козырный адвокат есть. Пусть работает. Думаю, все будет ровно, иначе уже повязали бы всех. Я Серого знаю, он кремень.

— Не надо никуда пока звонить, — сказала Лена, плаваясь под удивленными взглядами пацанов. — Генрих Эдуардович — один из лучших адвокатов Москвы. Папа неплохо его знает. Он ему не откажет.

КПЗ на Петровке оказалось тесным и душным, и теперь сидело нас тут двое — я и какой-то толстый унылый тип, который радостно протянул мне руку, которая, впрочем, была проигнорирована. Вдруг петух еще...

— Погоняло дай, — резко спросил я.

— Бебиком окрестили, — испуганно ответил сосед.

Я пригляделся к сокамернику. Ну да, Бебик — это глаз. Они у толстяка были какие-то рыбки, выпученные и мутные, как у снулого караса.

— Я Хлыст, — сказал и замолчал в тщетной надежде заснуть.

Как назло, ни в одном глазу! А разговаривать с этим типом не было ни малейшей охоты.

Я молча лежал на койке и разглядывал беле- ный потолок, внимательнейшим образом изучая все трещины на нем. «Интересно, — думал я. — Это по шву плиты треснула побелка или про- сто работа дерьмовая? Наверное, все-таки и то и другое», — принял я компромиссное решение, не склонившись ни в одну сторону.

— Слышь, сосед, — услышал я негромкий го- лос. Это был пузан. — А тебя за что сюда?

— С какой целью интересуешься? — приот- крыл я глаза.

— Да скучно тут, — признался тот.

— Да ни за что приняли, — громко и отчетли- во сказал я. — Схватили на улице, избили и за- грузить теперь по полной хотят.

— А грузят на что? — Лицо соседа приняло необычайно сочувственное выражение. Вот ведь сука! На вторые сутки меня к насадке сунули! Ну, повеселимся!

— Да толком и не понял, — развел я руками. — Так отмудохали, что себя не помню. Вроде сказа- ли, что я Троицкого завалил, прикинь!

— Ка-какого Троицкого? — удивился сосед. — Артемия? Ведущего на радио? Музыканта?

— Ну, — кивнул я. — Совсем охренели мусора. Четкий же ведущий, в натуре! Я его всегда слу- шаю. А ты не в курсе, когда его вальнули-то?

— Да я от тебя это в первый раз слышу, — замотал тот башкой. — Тоже слушал недавно по радио... И что, серьезно теперь у тебя? — На рожице Бебика вновь появилось выражение сочувствия и скорби.

— Не-а, — повернулся я на бок, закряхтев от боли в отбитых ребрах. — Порожняк голимый. Я ж не делал ничего. В душе не чаю, за что мне музыканта надо было валить! Ладно бы козла какого или стукача. Тут я со всем удовольствием... Но радиоведущего! Ваще беспредел какой-то!

— У меня срок задержания заканчивается, — сказал толстяк, помявшись. — Хочешь, маляву передам корешам.

— О! Давай, — обрадовался я. — Сто седьмой гастроном знаешь?

— Нет! — помотал тот башкой.

— Это в Лобне. Там моя работает, — доверительно сообщил я. — Спроси Галю, тебе ее все покажут. Скажи, что меня срочно в командировку дернули. Если будет орать, что я опять подрался и в ментовку попал, не ерзай! Она, стерва, на раз брехню чует. Стой на своем — морда кирпичом! Понял?

— Понял! — Сосед по камере смотрел на меня квадратными глазами, все больше теряя цвет лица. Тут было жарковато, и я разделся до пояса. Видимо, он уже успел насладиться росписью на моем теле и теперь вспоминал, где лежит заветная пачка валидола.

— Тебя за язык никто не тянул. — Я посмотрел на него так, что он начал нервно сглатывать слюну. — Сам вызвался маляву отнести. Если не отнесешь, придется за базар ответить. Накажу!

— Все сделаю! — уверил меня Бебик.

Точно подсадной, зуб даю.

— Ну и хорошо!

Я почуял, как ко мне все-таки подбирается истомы сна. Бедная, бедная тетя Галя. Так и представил, как приходит к ней в магазин этот хмырь и начинает рассказывать, что ее муж уехал в командировку. Учитывая, что эти полтора центнера свирепого мяса еще никто в Лобне укротить не вызвался, это будет тонкая шутка. Я бы не рискнул так поглумиться над деревенской бабой, которая на спор выпивала пузырь из горла, а потом завязывала в узел кочергу.

А теперь спать, пока есть возможность.

— Хлыстов, на выход! — услышал я отрывистую команду.

Сосед к этому времени от меня съехал, но скучать не пришлось. Компанию мне составила боль в отбитых ребрах и гул в ушах. По голове тоже знатно прилетело все-таки.

— Лицом к стене!

Я привычно встал и свел запястья за спиной.

— Пошел!

Два капитана ближнего плавания сегодня оказались на редкость грустны. И случилось это,

видимо, потому, что в кабинете сидел седовласый мужчина самого почтенного вида, который укоризненно смотрел на мир из-за окуляров золотых очков. В кармашке пиджака виднелся шелковый платок, а на столе лежал настоящий «Паркер». Тоже с золотым пером. Ничего себе персонаж!

— Сергей Дмитриевич! — Мужчина встал, прижимая к себе слегка потертый кожаный портфель. — Я ваш адвокат. Генрих Эдуардович Ладва.

Мы пожали руки, а я заметил на запястье скромно сверкнувший «Ролекс». Однако!

— Зачетные котлы, Генрих Эдуардович, — милостиво кивнул я.

Все-таки Ленка не растерялась, сказала пацанам, а те уже подняли всех остальных. Интересно, кто нашел Ладву? Похоже, что Фельдмаршал. Его уровень.

— Это подарок жены, — слегка смутился адвокат, пряча браслет за белоснежной манжетой. Получилось не слишком хорошо, и часы все равно показались на свет божий, притянув взгляды двух госслужащих, работавших за сущие гроши.

— Когда выходим? — спросил я у него, самым наглым образом подмигивая операм. Раз капитаны сидят грустные, то все уже ясно.

— Да, собственно, прямо сейчас. — Ладва укоризненно смотрел то на сотрудников правопорядка, то на мою помятую морду, плод их титанических усилий. — Это резонансное дело столько забот всем прибавило! Вы бы знали, сколько врагов нажили эти молодые люди из Троицка! Про-

сто удивительно для их возраста! Впрочем, адвокатское сообщество не в обиде. Только у меня трое подзащитных, которым вменяют это преступление. А у нашей милиции доказательств никак-ких! Более того, я господам милиционерам...

— Товарищам! — оборвал адвоката Подуров.

— Хорошо, пусть будет товарищам, — покорно согласился Ладва, — предоставил ваше, Сергей Дмитриевич, алиби тринадцатого января. Вы же были в гостях у семейства Лужиных? И даже переночевали у них...

Ага, это родаки Лены! Спасли!

— Да, был. Весь вечер, разошлись только под утро, а метро уже не ходило. Потом поспал и поехал домой.

— Вот товарищ капитан, — адвокат посмотрел на Домбровского, — уже позвонил профессору. И Геннадий Константинович все подтвердил, так?

Прибалт скривился и промолчал. Какое было удовольствие видеть его кислую морду! Прямо даже ребра перестали болеть.

— Я с тебя подозрения не снимаю, — скрежетнул зубами Подуров, подсовывая мне какую-то бумажку. — Вот тебе подписка о невыезде. Чтобы в Лобне своей сидел и телефон брал после третьего гудка, ясно? Иначе объявим в розыск. Подписывай и вали отсюда.

Я посмотрел на адвоката, и тот успокаивающе кивнул. Черкнуть ФИО и подпись много времени не составило, и уже через пять минут мы

вышли на Петровку. Дул холодный, мокрый ветер, везде стояла непролазная мартовская грязь, но все же это была атмосфера свободы!

— Кто вас привлек к этому делу? — поинтересовался я, глядя, как Ладва засовывает ключ в дверь припаркованной возле МУРа «Волги».

— Профессор Лужин и привлек. — Адвокат тяжело вздохнул, повернулся ко мне и начал копаться в карманах.

Ага, значит, все-таки не Фельдмаршал. Но так даже лучше. Меньше обязательств перед подчиненными.

— Я что-то должен?

— Нет, за все уплачено. Сергей Дмитриевич! — Ладва достал визитку, протянул ее мне. — Прошу вести себя крайне осторожно и быть, так сказать, тише воды ниже травы. Никаких лишних разговоров по телефону! Через пару недель я поговорю с начальником МУРа, подписку отменяют. Но до этого...

— Я все понял! Буду максимально осторожен.

— И вот еще что. — Адвокат понимающе улыбнулся. — Визитку не выкидывайте! Она вам еще пригодится. Поверьте моему опыту. А на слова товарищей милиционеров можете не обращать внимания. Подписка не обязывает вас сидеть дома. Это, так сказать, перегиб на местах. Вас подвезти?

— Благодарю, сам доберусь.